

XX 95
22

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ОРГАН

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ
И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

№ 3—4 (15—16)

XXII-3853

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО
ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
МОСКВА — 1932

▲ ▲

I СТАТЬИ

СОВЕТСКИЙ ВОСТОК

Октябрьская революция в Средней Азии и контрреволюционный троцкизм

Социалистический характер Октябрьской революции 1917 года в Туркестане

Октябрьская революция 1917 года явилась тем событием, которое одним ударом уничтожило колониальный гнет в Туркестане и создало необходимые предпосылки для полного разрешения национального вопроса в бывшей царской России. Это целиком вытекало из всей установки нашей партии в национальном вопросе, ибо «история говорит, что единственный способ установления режима братского сотрудничества трудящихся масс народов угнетенных и неугнетенных—это ликвидация капитализма и установление советского строя» (И. Сталин, Доклад на X съезде РКП, стенографический отчет, стр. 79).

Основным в ленинизме является вопрос о диктатуре пролетариата, в противовес Зиновьеву, считавшему основным в ленинизме крестьянский вопрос, в противовес социал-фашистам, в противовес оппортунистам всех мастей, выхолостившим все революционное в учении Маркса, старательно искажающим его.

Ленин говорит: «По сравнению с рабочим вопросом подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса» (статья о самоопределении). Наша партия, Ленин из этого делали вывод о том, что правильная программа в вопросе национальном, составляющем часть вопроса пролетарской революции, является одним из решающих условий

успешной борьбы пролетариата за захват власти, ибо «самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти... Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике» (Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 102—103. Подчеркнуто Лениным).

Правильное разрешение национального вопроса диктатурой пролетариата (а только она может его правильно и до конца разрешить) укрепляет ее, облегчает строительство социализма, является одним из необходимейших условий его успеха. Именно поэтому «у нас говорится в программе не о национальном самоопределении—лозунг совершенно расплывчатый,—а о лозунге более отчеканенном и ясно определенном—о праве народов на государственное отделение» (И. Сталин, X съезд, стенографический отчет, стр. 81).

Партия до Октября и после выдержала ряд ожесточенных боев с теми, кто пытался свернуть ее с этих установок в национальном вопросе. Борьба с Р. Люксембург, Пятаковым, Е. Бош, Н. Бухариным, под «левой» фразой которых о том, что для пролетариата не существует национального вопроса, скрывался по сути самый явный великорусский шовинизм; борьба с теми, кто пытался все надежды возложить на разрешение национального вопроса руками национальной буржуазии,—являлась всегда важнейшим участком фронта борьбы за генеральную линию партии. Партия вела всегда решительную борьбу и в вопросе национальном на два фронта (с уклонами от ленинской национальной политики), и... «если мы с развернутыми знаменами шли против Керенского и свалили Временное правительство, то, между прочим, потому, что там за спиной мы имели доверие тех угнетенных народов, которые ждали от русских пролетариев освобождения» (Сталин).

На чем держалась власть советов в Туркестане во время «Оренбургской пробки» и после нее?

На этот вопрос дал четкий и ясный ответ тов. Сталин в своем докладе по национальному вопросу на XII съезде партии в 1923 году, где он говорил: «...эти генералы (Колчак, Деникин, Врангель, Юденич—Л. Г.) опирались на колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед угнетенными народами перспективу их дальнейшего угнетения, и угнетенные народы вынуждены были идти к нам в объятия, между тем как мы развертывали знамя освобождения этих угнетенных народов. Вот что решило судьбу этих генералов, вот суммы факторов, которые заслонены успехами наших войск, но которые в последнем счете решили все» (Сталин, Стенографический отчет XII съезда, стр. 444—445).

Это особенно ясно станет, если мы выясним ту связь, которая существует между национальным и крестьянским вопросами.

Всем известны факты той чудовищной кабалы, в которой пребывали батраки, бедняки, чайрикеры, середняки—дехкане Средней Азии до октября 1917 года. Ростовщик, являвшийся контрагентом хлопковых фирм, держал их на голодной, пауперской норме. Царское правительство издало специальный приказ о запрете продавать за долги последнюю десятину, чтобы прикрепить к ней опутанного долгами дехканина и тем легче продолжать его эксплуатировать.

Ужасы насаждения хлопководства Морозовыми и Прохоровыми не уступали по сути своей ужасам вытеснения киргиз русскими переселенцами в Семиречьи. Именно поэтому события 1916 года широко захватили также и эти районы.

А. Анишев в своей книге «Пути социалистического переустройства хлопководческого хозяйства» считает возможным «рассудку вопреки, наперекор стихиям» заявить, что «мы не имели в УзССР такого положения, когда весь кишлак, все дехканство в целом выступали вместе с пролетариатом против помещиков в борьбе за землю» (стр. 52). «Но прежде всего нужно отметить, что в силу известных исторических условий мы не смогли дать ничего дехканину немедленно после завоевания власти» (стр. 59). Тов. И. Фатеев в своей рецензии (см. «Большевик» № 9 за 1931 г.), правильно критикуя эту точку зрения Анишева, говорит: «Автор здесь грубейшим образом искажает действительность. Самый факт уничтожения колониальной эксплуатации в октябре 1917 г. ликвидировал задолженность дехканской бедноты и чайрикеров бедняков фирмам, ростовщикам, скупщикам и спекулянтам землею. О размерах этой ликвидированной эксплуатации свидетельствует то, что в 1913 г. сумма дехканского долга банкам и фирмам по одной только Фергане (разрядка наша—Л. Г.) выражалась в 60 млн. руб., причем на 12 млн. руб. было опротестованных векселей. К моменту Октября размеры этой кабалы неизмеримо возросли. Все это начисто сметено Октябрьской революцией. Только грубым искажением фактов,—говорит т. Фатеев,—можно объяснить утверждение Анишева, что туркестанским правительством и в период 1917—1918 гг. вопрос о задолженности дехканства не был поставлен».

Таковы были уже первые результаты социалистической революции в Туркестане. Их никак нельзя упускать из виду, ибо «сущность национального вопроса—это определение правильных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством бывших недержавных наций; с этой точки зрения, конкретная форма

национального вопроса в данный момент выражается в том, чтобы изыскать пути, изыскать средства для налаживания сотрудничества и сожителства народов в союзе республик, в едином государстве» (И. Сталин, Из доклада на XII съезде, стенографический отчет, стр. 453).

У Анишева по сути дела методология одинаковая с тов. Зелькиной, в своих «Очерках по аграрному вопросу в Средней Азии» отрицавшей социалистический характер Октябрьской революции 1917 года в Туркестане: в очерках выставлено то положение, что «экономика среднеазиатской деревни сохранила на восьмом году революции свое старое лицо», что «основное эксплуататорское отношение в кишлаке к 1925 г. осталось неизменным», что «в среднеазиатской деревне до 1925 года не только не была произведена социалистическая революция, но даже не была произведена буржуазно-демократическая. Не была произведена решительная борьба с остатками феодализма» («Очерки», стр. 78, 80, 82).

Тов. С. Сигизбаев (см. «Большевик» № 14 за 1930 г.) разобрал подробно, по сути дела, троцкистскую методологию, лежащую в основе этих утверждений «Очерков» т. Зелькиной. Не будем повторяться.

В статье «Октябрьский переворот и национальный вопрос» в 1918 году тов. Сталин писал: «В эпоху буржуазной революции в России (с февраля 1917 года) национальное движение на окраинах носило характер буржуазно-освободительного движения».

«Ликвидация национального гнета» таков был лозунг движения. Окраины России мигом покрылись «общенациональными учреждениями» (И. Сталин, «Сборник статей», Гиз, 1920 г., стр. 79).

«Право наций на самоопределение толковалось как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать Февральскую революцию для организации «своего» национального государства».

«Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии не повели, однако, к уничтожению национального гнета».

«Естественно, что, поскольку «общенациональные» институты на окраинах проявляли тенденцию к государственной самостоятельности, они встречали непреодолимое противодействие со стороны империалистического правительства России. Поскольку же они, утверждая власть национальной буржуазии, оставались глухи к коренным интересам «своих» рабочих и крестьян, они вызывали среди последних ропот и недовольство...»

«Общенациональные» институты оставались беззащитными против ударов извне так же, как и против взрыва изнутри. Зарождавшиеся бур-

жуазно-национальные государства, не успев расцвести, начинали отцветать». Так характеризует тов. Сталин процессы, в обстановке которых происходило перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и на окраинах, ибо самым широким массам угнетенных национальностей «становилось очевидным, что освобождение трудовых масс угнетенных национальностей и уничтожение национального гнета немислимы без разрыва с империализмом, низвержения «своей» национальной буржуазии и взятия власти самими трудовыми массами».

«Свергнув власть помещиков и буржуазии и поставив на ее место правительство рабочих и крестьян, Октябрьский переворот одним ударом решил противоречия Февральской революции».

«Это была действительно социалистическая революция» (курсив И. Сталина).

«Революция, начатая в центре, не могла долго оставаться в рамках узкой его территории... И действительно, революционная волна с севера с первых же дней переворота разлилась по всей России, захватывая окраину за окраиной».

«Октябрьский переворот только упрочил союз рабочих и крестьян окраин с рабочими и крестьянами России, вдохновив верой в торжество социализма».

Так сложился социалистический союз рабочих и крестьян всей России против контрреволюционного союза национально-буржуазных «правительств» окраин России. Приведем и вывод тов. Сталина, подводящий итог вышесказанному:

«Таким образом Октябрьский переворот, покончив со старым буржуазно-освободительным национальным движением, открыл эру нового социалистического движения рабочих и крестьян угнетенных национальностей, направленного против всякого, значит и национального, гнета, против власти буржуазии «своей» и чужой, против империализма вообще» (разрядка моя—Л. Г.).

Мы нарочно привели такие подробные выдержки из этой старой статьи тов. Сталина, чтобы показать, что еще в 1918 году в ней содержался ответ на все «проклятые вопросы», мучившие тт. Зелькину, Анишева и других отрицавших социалистический характер Октябрьской революции на окраинах исследователей.

Ну, чем отличается социал-фашистское, контрреволюционно-троцкистское отрицание социалистического характера Октябрьской революции вообще от этой методологии упомянутых выше исследователей? В основах своих—ничем. Тут (вольно или невольно) указанные товарищи проделывали ту же работу только с другого конца. Начинали ре-

визию ленинизма с национально-колониального вопроса. К этому положению людей, объективно льющих воду на мельницу троцкистских контрабандистов, их привело игнорирование того:

1) что вопрос о власти — главный, центральный вопрос всякой революции;

2) что «иностранный империализм, насильно привитый восточным народам безусловно затормозил их общественное и хозяйственное развитие» (Ленин, том XIX, стр. 272);

3) что в результате этого на советском Востоке «процесс окончательного завершения задач буржуазно-демократической революции должен носить и неизбежно носит более затяжной характер «завершения», а не решения»;

4) что вследствие этого еще на тринадцатом году революции ЦК ВКП(б) в решении о работе с беднотой констатировал:

«Несмотря на наличие ряда успехов в работе среди бедноты... и теперь еще встречаются, в частности в отсталых национальных областях, районы с хищнической эксплуатацией бедноты со стороны фактически господствующих здесь кулаков и байско-манапских (полупфеодальных) элементов».

5) Тов. С. Сигизбаев прав, когда указывает, что тов. Зелькина путает вопрос об основном стратегическом лозунге партии перед захватом власти с вопросом о завершении задач буржуазно-демократической революции после захвата власти пролетариатом. А ведь именно об этом говорил Ленин следующее:

«Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей пролетарски-революционной социалистической работы. Ибо мы шли на Октябрь вместе с деревенской беднотой против всех буржуа, в том числе и деревенского, при нейтрализации середняка» (т. XVIII, ч. I, стр. 365).

Земельные реформы 1925—1926 гг. были мероприятиями диктатуры пролетариата по доведению до конца «буржуазной революции».

А тов. Зелькина утверждает в «Очерках», что «земельная реформа в Средней Азии в 1925 г. с запозданием на целых 8 лет была и буржуазно-демократической и социалистической революцией одновременно» («Очерки», стр. 88).

Здесь факт прихода к власти диктатуры пролетариата и провозглашение ею пролетарских принципов в вопросе о власти, о земле, о национальном вопросе и т. д. в октябре 1917 года не считается сколько-нибудь существенным признаком для того, чтобы считать Ок-

тябрьскую революцию в Туркестане социалистической революцией на том основании, что ей пришлось кое-что доделывать, завершать из задач буржуазно-демократической революции на довольно продолжительном отрезке времени, как это и было в Туркестане на примере земельной и водной реформ.

Контрреволюционно-троцкистская, социал-фашистская методология в основе своей имеет отрицание ленинского закона неравномерности развития капитализма, особо обостряющейся на его империалистической и последней стадии, отрицание возможности прорыва слабого звена империалистической цепи, отрицание возможности построения социализма победившим пролетариатом в одной стране, отрицание установленного Лениным на II конгрессе положения о том, что «с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» (Ленин, т. XIX, стр. 246).

Против этой методологии контрреволюционного троцкизма и социал-фашизма необходимо вести самую решительную борьбу, а наши упомянутые исследователи забыли известные указания тов. Сталина о том, что «национальный вопрос следует рассматривать не изолированно, а в неразрывной связи с вопросом о победе революции, как часть общего вопроса о революции» (Сталин, Речь по югославскому вопросу).

Если они принимают установку контрреволюционного троцкизма о том, что Октябрьская революция 1917 года не была социалистической революцией, тогда они должны делать те выводы, которые сделали.

Если они отвергают клеветническую контрреволюционную методологию троцкизма и социал-фашизма, тогда они должны были бы правильно оценить характер Октябрьской революции 1917 года на окраинах России как революции социалистической. Нельзя отрывать одно от другого: Октябрьскую революцию в пролетарских центрах бывшей державной нации от Октябрьской революции 1917 г. на крестьянских окраинах бывших угнетенных наций. А сделав это, и тов. Зелькина и другие неизбежно пришли к контрреволюционным троцкистским выводам.

Письмо тов. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» (см. № 6 за 1931 г.) и было направлено в частности против такого рода утверждений троцкистского контрабандиста Волосевича. Оно обязывает упомянутых выше товарищей в корне пересмотреть свою методологию и сделанные из нее выводы, потому что эта методология—троцкистская, потому что из нее нельзя было получить ничего, кроме троцкистских же выводов.

В заключение приведем основные высказывания тов. Сталина именно по этому вопросу.

В комиссии Коминтерна он говорил:

«Постановка национального вопроса в истории русского марксизма имела две стадии: первую, т. е. «дооктябрьскую», вторую, т. е. октябрьскую. В первой стадии национальный вопрос рассматривался как часть общего вопроса о буржуазно-демократической революции, т. е. как часть вопроса о диктатуре пролетариата и крестьянства. Во второй стадии, когда национальный вопрос расширился и превратился в вопрос о колониях, национальный вопрос рассматривался уже как часть общего вопроса о пролетарской революции, как часть вопроса о диктатуре пролетариата. И там и здесь подход был... строго революционным» (разрядка моя—Л. Г.).

Тов. С. Диманштейн в своем докладе «Сталин как теоретик большевизма в национальном вопросе» («Вестник Коммунистической академии», № 37—38 за 1930 г., стр. 36), приводя в докладе эту цитату, в то же время считает возможным утверждать, что «те недоговоренности, которые встречаются в нашей национальной программе того времени, объясняются тем, что, разрабатывая нашу программу по национальному вопросу, мы исходили из буржуазно-демократической революции, делали ставку именно на такую революцию. Мы исходили из того, что, как бы велики ни были завоевания этой революции, у нас все же сохранится еще буржуазный строй, при котором господствующие классы будут прививать свою культуру, свою национальную идеологию широким слоям нации».

«Но жизнь показала,—продолжает тов. С. Диманштейн,—что период буржуазной демократии в России был лишь кратковременным эпизодом, введением к социалистической революции».

Из этой неправильной постановки вопроса вытекает, во-первых, что или ленинской «теории перерастания» не было, или она означала нечто иное, как «перерастание от самодержавия к буржуазной демократии», или что «революционная диктатура пролетариата и крестьянства—это путь Керенского» (Л. Троцкий, «Воззвание к испанским рабочим»).

Во-вторых, что ленинские лозунги, ленинская теория перерастания в 1917 году не подтвердились и события пошли по другому пути, а «большевики «перевооружились». Разве не ясно, что в этой постановке вопроса тов. Диманштейна есть все элементы троцкистской трактовки этого

«вопроса, нехватает только указания, что «перевозвооружились» Ленин—большевики при помощи господина Троцкого.

Эта политически неверная, ошибочная трактовка вопроса у тов. Диманштейна в его докладе, никак не вытекает из приводимых им цитат из т. Сталина, где т. Сталин увязывает национальный вопрос с вопросом о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и где он ни на минуту не упускает ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, изложенную Лениным в его знаменитой статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», где т. Ленин писал:

«От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как-раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути....» (Ленин, т. VIII, стр. 186).

А тов. Диманштейн, делая ту же меньшевистскую ошибку, которую делали Каменев, Шляпников и другие в 1917 году, заявляет, что большевики за остановку, за «интервал». Разве это хоть сколько-нибудь похоже на ленинскую теорию перерастания? А ведь именно она, эта теория, и только она, оказалась правильной и привела нас, нашу партию, пролетариат к победе. Об этом есть совершенно точные недвусмысленные указания самого тов. Ленина, которые, к сожалению, забываются некоторыми из наших исследователей. В своем первом письме о тактике (т. XX, изд. 3-е, стр. 101) Владимир Ильич пишет о «старых большевиках», утверждающих, что буржуазно-демократическая революция еще не закончилась, утверждающих, что еще не осуществился лозунг большевиков о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

«Отвечаю,—пишет т. Ленин:—большевистские лозунги и идеи в общем вполне подтверждены историей, но конкретно дела сложились иначе, чем мог (кто бы то ни было) ожидать: оригинальнее, своеобразнее, пестрее».

«Совет рабочих и солдатских депутатов—вот вам уже осуществленная жизнью революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». И Ленин боролся против Каменева и других, кто пытался задержаться на этом этапе, кто выступал против выставления нашей партией лозунга пролетарской революции.

А тов. Диманштейн, сделав коренную ошибку, неизбежно смешивает позицию партии и Ленина с позицией Каменева, Шляпникова и других.

* * *

Тов. Зелькина, оценивая итоги земельной реформы, пишет: «Основным результатом земельной реформы в области экономической было появление национализации земли, почти полное уничтожение феодально-родовых пережитков, решительный удар по капиталистическим элементам деревни».

Тов. С. Сигизбаев прав, когда в противовес этой оценке цитирует доклад тов. Молотова на XV съезде партии, речи руководителей Средазбюро ЦК ВКП(б), решения 2-го курултая КП(б)Уз, где красной нитью отмечено то, что

«земельная реформа разрушила остатки родовых и феодальных отношений».

Тов. Молотов на XV съезде о ней говорил: «Стоит припомнить, что совсем недавно, только два года назад, проведена земельно-водная реформа в ряде районов Средней Азии, и чтобы понять, что нам еще теперь приходится выкорчевывать остатки феодализма, остатки патриархально-родового уклада».

«Нужно сказать, что эти остатки в той же Средней Азии и в Казахстане далеко еще не уничтожены, и это дело не такое быстрое» (Стенографический отчет XV съезда, 1047 стр.).

Значит, партия на том этапе проводила политику ограничения и вытеснения кулака, эту политику проводили и среднеазиатские парторганизации «вопреки авантюристическим декламациям зиновьевско-троцкистской оппозиции» (И. Сталин).

В конце 1929 года партия в речи тов. Сталина на конференции аграрников-марксистов провозгласила поворот от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

А по тов. Зелькиной «решительный удар» по капиталистическим элементам деревни был нанесен еще в 1925 г. Это неверная, ошибочная, троцкистская трактовка вопроса.

* * *

Мы подходим к выводам:

«Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата» (Сталин, «Вопросы ленинизма»).

У тов. Зелькиной так получается, что основным в ленинизме является крестьянский вопрос, вот что и подвело ее и всю ее концепцию.

Нас интересовал в этой вводной части основной вопрос об определении характера Октябрьской революции в Туркестане. Сейчас нам важно установить доказанное уже выше положение о том, что Октябрьская революция 1917 года в Туркестане была революцией социалистической и что после Октября «классовая сущность национального вопроса—я говорю о нашей обстановке советской—в определении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством бывших угнетенных национальностей» (И. Сталин, XII съезд, стр. 441), что национальный вопрос—часть вопроса о диктатуре пролетариата, подчиненный ему вопрос, разрешаемый с точки зрения этого основного вопроса—о диктатуре пролетариата.

Мы, наконец, должны напомнить, что «великое мировое значение Октябрьского переворота главным образом и состоит в том, что он:

- 1) Расширил рамки национального вопроса, превратив его из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом в общий вопрос об освобождении угнетенных народов колоний и полуколоний от империализма.

- 2) Открыл широкие возможности и действительные пути для этого освобождения, чем значительно облегчил угнетенным народам Запада и Востока дело их освобождения, втянув их в общее русло победоносной борьбы с империализмом.

- 3) Перебросил тем самым мост между социалистическим Западом и поработленным Востоком, построив новый фронт революции от пролетариев Запада через российскую революцию до угнетенных народов Востока против мирового империализма.

Этим собственно и объясняется тот неописуемый энтузиазм, с которым относятся ныне к российскому пролетариату трудящиеся и эксплуатируемые массы Востока и Запада» (И. Сталин, «Сборник статей» 1920 г.).

Мы в заключение должны указать на то важнейшее обстоятельство, что, поскольку национальный вопрос подчинен вопросу о диктатуре пролетариата, постольку всякие отклонения от программы нашей партии в основных вопросах сейчас же приводили к искажениям линии партии и в национальном вопросе и, наоборот, неправильная постановка национального вопроса, отклонения от ленинской национальной политики наносили величайший вред делу борьбы за завоевание власти пролетариатом и делу борьбы за укрепление пролетарской диктатуры.

Партия, проводя на всех этапах борьбу на два фронта, заостряя каждый раз ее на главной опасности, проводила эту борьбу на два фронта и в национальном вопросе. Партия, ведя беспощадную борьбу на два фронта: с правым оппортунизмом, главной опасностью на данном

этапе, с «левым» оппортунизмом и с примиренчеством и гнилым либерализмом,—в то же время ведет ожесточенную борьбу на два фронта с уклонами от линии партии в национальном вопросе.

XVII партконференция в «Директивах к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)» выдвинула на основе достигнутых уже успехов новые исторические задачи.

«Конференция считает, что основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

Касаясь влияния второй пятилетки на национальный вопрос, конференция поставила задачу окончательной ликвидации фактического неравенства, этой основной, центральной проблемы в национальном вопросе на данном этапе. В самом деле:

«Быстрый рост социалистического хозяйства в период второй пятилетки в национальных республиках и областях обусловливает изживание экономической и культурной отсталости национальностей, унаследованной от царского колониально-капиталистического режима».

Значит ли это, что эти задачи будут осуществлены без преодоления сопротивления классового врага в стране?

Значит ли это, что не будет отражения этого сопротивления остатков умирающих капиталистических классов у нас в партии в виде правого, «левого» уклонов по национальному вопросу?

Нет, конечно, нет! И конференция совершенно четко и резко указала всей партии на это обстоятельство:

«Новые успехи социализма рабочий класс обеспечит лишь в борьбе с остатками капитализма, давая беспощадный отпор сопротивлению гибнущих капиталистических элементов, преодолевая буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки среди трудящихся и ведя настойчивую работу по социалистическому их перевоспитанию».

Это означает, что и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты, и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки, что вместе с тем подчеркивает неизбежность сохранения, а в некоторых случаях и усиления, буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся, неизбежность еще в течение длительного времени проникновения чуждых

пролетариату классовых влияний в среду рабочих и даже в партию. Ввиду этого перед партией стоит задача укрепления пролетарской диктатуры и дальнейшего развертывания борьбы с оппортунизмом, и особенно с правым уклоном как главной опасностью на данном этапе» (см. Резолюцию XVII партконференции о второй пятилетке).

Ясно совершенно отсюда, что и в области борьбы с уклонами в национальном вопросе ни о каком складывании оружия не может быть и речи. А изучение опыта прошлых боев, проведенных против уклонистов среднеазиатскими парторганизациями по этим вопросам в прошлом, должно и может облегчить эту борьбу на два фронта и в будущем.

Контрреволюционный троцкизм на среднеазиатской почве

(Колонизаторский — демагогически-вербовочный характер троцкистской группы Семенова, Тумаилова, Анишева в 1927 году)

Нет никакой необходимости останавливаться на анализе общих установок контрреволюционного троцкизма, уже достаточно разоблаченных партией в процессе борьбы с ним. Уклонисты Средней Азии наряду с защитой общих положений платформы контрреволюционных троцкистов и на основе их попытались в ряде документов сформулировать свою точку зрения на ряд вопросов конкретной работы нашей партии на Советском Востоке и в частности в республиках Средней Азии, попытались дискредитировать и ревизовать линию партии в национальном вопросе.

Среднеазиатская группа троцкистов, Семенов, Анишев, Тумаилов и др. исходили из троцкистской установки о невозможности построения социализма в одной стране, а отсюда и все остальное шло своим логическим путем, ибо всякое отклонение от генеральной линии партии в общепартийных вопросах немедленно приводит к искажениям и в области национальной политики. Это осталось действительным и для троцкистов. Платформа этой группы носила «вербовочный» характер, была рассчитана на то, чтобы завербовать в борьбе с партией на свою сторону и грузинских уклонистов, и узбекских националистов, и элементы, настроенные великодержавно-шовинистически и разоблаченные партией.

Платформа указанной группы повторяла, перепевала, приспособляла «к местным особенностям» основные пункты разногласий с партией объединенного троцкистско-зиновьевского блока по национальному вопросу, сформулированные Зиновьевым на заседании президиума ЦКК 24 июня 1927 года.

А все это делалось для того, чтобы завоевать на свою сторону гомосов (хотя бы и подмоченные), с одной стороны, грузинских уклонистов, узбекских, туркменских, киргизских националистов, с другой стороны, «нельзя же Зиновьеву обидеть и старых нигилистов в национальном вопросе (Пятаков, Радек), нельзя обидеть и Ваганяна»¹, надо постараться—добавим мы—удержать за собой и, если можно, оживить ташкентских троцкистов колонизаторов «образца 1923 года», которых без обвинения парторганизаций Средней Азии в поощрении местного национализма не возьмешь.

Так и сложилась эта горе-платформа, корни которой уходят в основном в старые колонизаторские, руссотяпские взгляды Зиновьева, и колонизаторское существо которой было легко распознано и разоблачено партией.

Сам Зиновьев выступал с пресловутой великорусско-шовинистической теорией борьбы двух культур. Он говорил:

«В чем заключается национальная политика на Украине? Мы считаем, что язык должен свободно развиваться. В конце концов через ряд лет победит тот язык, который имеет больше корней, более жизненный, более культурный. Следовательно, наша политика заключается в том, что советская власть—не помеха говорить и учить своих детей на каком угодно языке» (V Всеукраинская конференция).

Другой сторонник троцкистско-зиновьевского блока—Раковский, занимавшая аналогичную великодержавную позицию, говорил еще в 1921 году:

«Украинские меньшевики и эсеры прибавляют к требованиям русских меньшевиков и эсеров еще и национальный момент, господство украинского языка в госучреждениях, противопоставляя этот лозунг равноправия русского и украинского, что входило в программу правительства. Господство украинского языка должно было означать господство украинской мелкобуржуазной интеллигенции и украинского кулачества».

И в 1923 году, когда тов. Скрыпник на партсовещании по национальному вопросу требовал украинизации аппарата Наркомфина, Зиновьев ему ответил: «Это уже лишнее».

Усиление, ускорение темпов индустриализации отсталых республик, областей, районов—характерная особенность проведения национальной политики партии на этапе социалистической реконструкции. А Зиновьев

¹ Все нижеприводимые цитаты до начала критики среднеазиатских платформ приводятся мною по книге т. Гирчак «На два фронта».

в 1927 году требует для республик, входящих в СССР, только «свободу родного языка, материальную помощь отсталым нациям и т. д.» (из речи на августовском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)).

Он солидаризировался с ваганыновским отрицанием лозунга строительства национальной по форме и пролетарской по существу культуры.

Отвечая на эти высказывания Зиновьева, объединенного троцкистско-зиновьевского блока, тов. Сталин ярко вскрыл их по существу колонизаторский характер, которого не удалось скрыть, замаскировать никакими «левыми» фразами о борьбе с колонизаторами, которыми снабдили свою «платформу» «теоретики» из лагеря троцкистско-зиновьевского блока:

«То, что здесь наболтал... Зиновьев о национальной культуре; следовало бы увековечить для того, чтобы партия знала, что... Зиновьев является противником развития национальной культуры народов СССР на советской основе, что он является на деле сторонником колониаторства».

«Ленин в своих письмах к товарищам, работающим в национальных областях и республиках, призывал к развитию национальной культуры этих областей и республик на основе советов. Именно потому, что после взятия пролетариатом власти мы все время шли по этому пути,— именно поэтому удалось нам создать невиданное в мире интернациональное здание, называемое Союзом советских социалистических республик. И вот... Зиновьев думает теперь перевернуть все это, зачеркнуть, похоронить, объявляя войну национальной культуре. И эта колониаторская болтовня в национальном вопросе называется у него ленинизмом. Не смешно ли это! Жаль, что грузинские уклонисты не знают еще об этом» (И. Сталин, «Об оппозиции», Статьи и речи 1921—1927 гг., Гиз, 1928 год, стр. 688—690).

Так партия разоблачила колониаторскую сущность этой «платформы» оппозиционного блока в национальном вопросе. Однако наряду с этими общими установками троцкистские группы на местах проделывали работу по приспособлению этих, так сказать, общих «принципов» к местным особенностям. Очень много над этим постаралась среднеазиатская группа троцкистов (Семенов, Анишев, Тумайлов и другие), колониаторская сущность платформ которых прямо выпирает даже из самых националистических по сути документов (например, платформа Тумайлова). Ниже мы и перейдем к подробному разбору этого этапа в борьбе за большевизацию среднеазиатских парторганизаций.

Чего стоит само начало!

Мы должны оговориться, что платформа Тумайлова настолько путана и настолько много, даже в мелочах, содержит грубейших ошибок, что, если бы мы пытались все их тут разобрать, это отняло бы у читателя слишком много времени и заняло бы непропорционально своему значению много места на страницах журнала, именно поэтому мы позволяем себе сконцентрировать внимание на основном, что поможет нам вскрыть своеобразное в тактике контрреволюционного троцкизма в среднеазиатских условиях, тактике откровенно демагогически-вербовочной.

Тумайлов утверждал на первой же странице своей «платформы», что «оппозиция, требующая подлинного проведения внутрипартийной демократии, идет по ленинскому пути и обеспечивает большевизацию молодых национальных парторганизаций».

С этакого зазывания и начинается, с позволения сказать, «платформа» одного из руководящих среднеазиатских троцкистов 1927 года. (Позже мы покажем, что троцкизм на среднеазиатской почве, несмотря на все радикальнейшие зазывания зиновьевско-троцкистского блока, являлся носителем самого неподдельного, самого настоящего, самого махрового великодержавного шовинизма).

Он воспекает в ней заслуги нашей партии и союзного пролетариата в революционном разрешении национального вопроса в Средней Азии и в частности в Туркмении.

Понятно, что мы и без комментариев Тумайлова немножко знали об этом, но, как это часто бывает, за этой напыщенной декламацией, за этими общими фразами, которые должны служить прикрытием, дымовой завесой, которые должны успокоить и усыпить бдительность членов партии (голоса которых призвана была платформа мобилизовать против ленинского ЦК), следует изложение «истин» уже своего троцкистского изготовления, тех «истин», которые позволили Тумайлову так широковещательно и многообещающе для туркмен озаглавить свою антипартийную платформу.

Что же следует у него дальше? А вот что:

«Октябрьская революция дала могучий толчок к развитию критической мысли ко всему окружающему, и туркмены из класса, как говорил Маркс, «в себе» «стали классом для себя».

Именно к этому месту и относится замечание Тумайлова: «Все это мы говорим для того, чтобы объяснить читателю, что именно оппозиция... идет по ленинскому пути». Автор имел наглость связывать эту антимарксистскую (все «туркмены стали классом для себя»), антиленинскую

либерально-буржуазную чепуху с именем Маркса, с именем Владимира Ильича Ленина.

Вот уже поистине дикая, оголтелая и наглая попытка фальсификации марксизма-ленинизма.

«Чего оппозиция добивается для нацорганизаций?» задавал вопрос Тумайлов. «Прежде всего внутрипартийной демократии», отвечал Тумайлов.

Тумайлов выболтал истинные чаяния и устремления блока, а туман, напускаемый Анишевым и другими среднеазиатскими полпредами контрреволюционного троцкизма, играл роль дымовой завесы, прикрывал эту истинно националистическую платформу, выболтанную Тумайловым.

Предложения среднеазиатских троцкистов по вопросам сельского хозяйства

Тумайлов в своей «платформе» писал:

«Таким образом (в Туркмении—Л. Г.) хозяйства, имеющие до 180 руб. дохода, составляют 56,43%» (данные обследования Туркменской НКРКИ в 1926/27 году).

«Эти хозяйства,—утверждает Тумайлов,—являются главным контингентом налогоплательщиков. Они уплачивают налога свыше полмиллиона рублей, что составляет 30% сельхозналога.

Кроме того,... вводится водный налог. Водный налог впервые применяется в жизни туркменского народа. По этому проекту и в основу взимания кладется принцип сельхозналога (разрядка моя—Л. Г.), т. е. по этому закону 56% бедняцких и маломощных хозяйств будут платить еще 30% общей суммы водного налога».

«Оппозиция требует... освобождения 50% хозяйств от налога и отказа от водного сбора».

В чем суть всех этих внешне очень радикальных предложений, кому наруку были они?

Что это не случайное выступление одного Тумайлова, доказывает то, что один из бывших активных среднеазиатских троцкистов Анишев одновременно выступает в Узбекистане с нападка на линию партии в этом же вопросе. Анишев выставил обвинение против нашей партии в том, что на хозяйство, имеющее до 0,5 десятин земли, в 1927/1928 году сельхозналог увеличивается на 45%.

Это обвинение так же, как и тумайловская «платформа», должно было доказать «кулацкий курс» линии партии и отступление от облегчения

налогового обложения бедноты, если бы... если бы оно соответствовало действительности.

Тумайлов и Анишев, как и все другие граждане СССР, знали о декрете ЦИК Союза об освобождении в 1927/1928 году от сельхозналога 35% хозяйств, знали, что все хозяйства, имеющие посев до 0,5 десятин, были освобождены полностью от с.-х. налога (под действие декрета в 1927 году подпало и некоторое количество хозяйств, имеющих больше 0,5 десятин посевов хлопка).

Со стороны Анишева это была сознательная демагогическая клевета на партию. В 1927 году одна очень неплохая статья, направленная против платформы Тумайлова, справедливо была названа «Как можно защищать баев против бедноты».

Наш «теоретик» Тумайлов действительно на каждом шагу попадает впросак. Возьмем вышецитированное выступление его по вопросу о водном сборе. Он здесь берет на себя смелость говорить от имени туркменской бедноты. А что получается, если разобраться во всем этом деле.

Дело в том, что водный сбор—не выдумка советской власти. Он существовал и в свое время взимался мирабом. Причем классовая линия при распределении воды до революции определялась величиной взятки: кто больше и раньше «дал», тот больше и раньше получил воды.

Беднота (от имени которой имел наглость говорить троцкист Тумайлов) была вечно недовольна мирабами. Водный сбор и штатное содержание, а также выборность мирабов (только имеющими право голоса) жестоко били по баю и еще больше советизировали пользование водой. Далее Тумайлов недоволен тем, что в основу водного сбора кладется принцип сельхозналога. А что обозначал принцип сельхозналога? Принцип сельхозналога по законам о с.-х. налоге 1927/1928 г. значил, что 35% всех хозяйств освобождалось как от сельхозналога, так и от водного сбора, а остальные слои облагались прогрессивно. Это значит, что главная тяжесть водного сбора падала на бая, кулака (в Узбекистане бай платил на 250% больше предыдущего года). Кого же защищал Тумайлов? Туркменскую бедноту или туркменских баев? Разве не ясно, что он защищал классового врага! Разве не ясно, что троцкисты тут прямо и откровенно под шум «левого» звонарства примкнули к правому уклону. Разве не ясно, что партия должна была, в интересах борьбы за классовую линию партии, за облегчение положения бедноты, за ограничение эксплуататорских возможностей байства в области водопользования, нещадно бить Тумайлова—фактического защитника байства.

В разделе о Совете национальностей и «промежуточных органах» Тумайлов писал: «Оппозиция... требует в своей платформе по национальному вопросу превращения Совета национальностей в работающий орган. Нужно сделать этот орган таким, чтобы он был подлинным проводником и защитником экономических и культурных интересов союзных республик и автономных областей. (Если бы был этот орган работающим, тогда не был бы проведен закон о водном налоге для Средней Азии)» («платформа»).

Если раскрыть скобки, то в этой декларации сразу проглядывают две тенденции:

1. Стремление обвинить нашу партию в формальном отношении в разрешении важнейших вопросов политики партии, т. е. национального вопроса, и

2. Стремление получить от Совета национальностей поддержку своим кулацким требованиям отмены водного сбора.

«Что означает такое требование оппозиции для Средней Азии?» спрашивает Тумайлов. Но прямой, точный и откровенный ответ на этот вопрос дается уже не одним Тумайловым, а в платформе всех лидеров среднеазиатских троцкистов.

По сути дела троцкисты попытались подыграть под националистические элементы в парторганизации и этим демагогически-вербовочным лозунгом получить некоторое количество, хоть и дешевых, но голосов.

Троцкисты (Тумайлов, Анишев, Ярослав) смыкались целиком и с колонизаторами, и с «18-ю», и с «иногамовцами», и с прочими группами, группировками, уклонами, имевшими место в среднеазиатских парторганизациях. Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) осуществляло в Средней Азии непосредственное пролетарское руководство нацкомпартиями и областями, входящими в Среднюю Азию, было беспощадным борцом с великодержавными шовинистами-колонизаторами, с местными националистами, со всеми теми, кто пытался помешать проведению ленинской национальной политики, задержать, исказить основные принципы ее и вредить социалистическому переустройству Средней Азии.

По сути дела, это была борьба за ослабление пролетарского руководства, за ослабление диктатуры пролетариата, руководящей социалистическим переустройством республик Средней Азии.

В области рабочего вопроса троцкисты (платформы Семенова, Тумайлова и др.) побили рекорд противоречивости собственных предложений. Побили рекорд антипартийности и двурушничества в своих демагогических, спекулянтски-вербовочных зазываниях.

Крича о необходимости реальной борьбы с великодержавным шовинизмом и местным национализмом, они вносят предложения об установлении для рабочих туркмен более высокой заработной платы, чем для рабочих русских, так как: «последним (рабочим туркменам—Л. Г.) нужно квалифицироваться, осваиваться с положением производства и городской жизни... К тому же туркмен плохо идет на производство, отсюда необходимо создать стимул, чтобы он пришел на производство».

«Улучшение материального положения рабочих, подлинная забота о формировании пролетариата из местных националов, увеличение их (рабочих из местных националов—Л. Г.) зарплаты... и к этому только способна оппозиция» («платформа» Тумайлова).

И после этих демагогических, по сути своей реакционно-националистических предложений и лозунгов у них хватило нахальства писать, что «...путь, который предлагается оппозицией, является для национальных парторганизаций единственным правильным путем, обеспечивающим ленинское воспитание молодых национальных партийных организаций («платформа» Тумайлова—заключительная часть).

Отрицание возможности построения социализма в одной стране, вытекающее целиком из пресловутой теории перманентной революции, потеря революционных перспектив и веры в энтузиазм и силы рабочего класса привели троцкистскую оппозицию в лагерь контрреволюции, в положение передового отряда контрреволюционной буржуазии.

Теория о неизбежности столкновения с середняком (тоже плод того же «перманентного» древа) приводила к губительным для пролетарской революции предложениям оппозиции о политике партии в деревне.

Наконец, все эти искажения в основных вопросах марксизма-ленинизма неизбежно приводили к потере революционных перспектив, к оппортунистической политике, играющей на руку колонизаторам и националистам, в национальном вопросе.

В самом деле, мы знаем, что национальный вопрос, подчиненный вопрос, «часть вопроса о диктатуре пролетариата».

Ленин писал:

«С помощью победившего пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».—Это целиком вошло в программу Коминтерна и решения нашей партии.

А что обозначало бы признание правильности теории перманентной революции «для отсталых стран»?

Это обозначало бы полную потерю перспективы перехода к коммунизму, «минуя капиталистическую стадию развития».

Схематично спор о возможности или невозможности построения социализма в одной стране можно было бы изобразить так:

Троцкий говорил: «Если поддержат государственно (т. е. победив у себя в стране) западные пролетарии, то победим, т. е. построим социализм».

Ленин говорил: «Если победим, т. е. если построим социализм, то обязательно поддержат».

У Троцкого авантюризм, вспышко-пускательство и в перспективе уныние, дезорганизация и утеря всяких надежд, приведшие его в контрреволюционный лагерь.

У Ленина, у нашей партии установка на плановое упорное социалистическое строительство, на мобилизацию всех сил для преодоления классового врага, на индустриализацию страны, на союз с середняком, на сплошную коллективизацию, на ликвидацию кулачества как класса, на систематическую упорную подготовку мировой революции. И после этого троцкисты смели обвинять партию в национальной ограниченности.

Систематическую и упорную борьбу за действительную подготовку мировой революции они называли национальной ограниченностью, а свою эклектическую бесперспективность, вспышко-пускательство и контрреволюционную борьбу против основы основ—диктатуры пролетариата—«революционным интернационализмом».

Нужно ли еще останавливаться на разборе всей этой галиматии, уже разбитой жизнью, уже опровергнутой всей практикой победоносного социалистического строительства в СССР?

Как известно, троцкисты подобрали на свои антипартийные зазывания в области национального вопроса некоторое количество грузинских уклонистов и прочих побитых партией националистических элементов.

В Средней Азии им не удалось и это. Вся парторганизация дала оппозиционному блоку как в центральном, так и в местном изданиях сокрушительный, беспощадный и сплоченный отпор, им не удалось привлечь на свои зазывания хотя бы десяток членов партии из местных основных национальностей.

Среднеазиатские троцкисты были разгромлены под руководством ленинского ЦК, его Средазбюро, ЦК нацкомпартий.

Кроме «платформы» Тумайлова имелась «платформа», отредактированная и распространявшаяся среднеазиатскими троцкистами Анишевым, Семеновым и другими; в этой «платформе» демагогические установки оппозиционного блока также приспособлялись к местным условиям: в разделе «промышленность и пролетариат» новым, по сравнению с тумайловскими установками, является обвинение партии в том, что «на самой верхушке советского аппарата оставлены сторонники группы «18-ти», которые являлись и являются принятыми в партию противниками земельной реформы, тем самым сотрудниками буржуазно-националистического развития». Вот вам и второе обвинение в том, что будто бы партия не борется с националистической группой восемнадцати.

Читатель может подумать, что троцкисты только и заботились о том, чтобы защитить партию от гибельной идеологии выше разобранной нами группы «18-ти».

Но если смотреть дальше, то ясно видно что-то другое, видно, что лицо, совсем непохожее на лицо партии, выглядывает из-под этих заклинаний троцкистских «ортодоксов».

Всем известно, что письмо Хадыр-Алиева, по сути дела, было направлено против пути форсированного развития хлопководства в республиках Средней Азии.

Тут Хадыр-Алиев (доведший до логического конца установки «18-ти» и поэтому переросший из внутрипартийного оппозиционера в контрреволюционера так же, как Троцкий и его непрозревшие во-время последователи) сомкнулся целиком и полностью с незадачливым «премьером» кокандской автономии Мустафой Чокаевым.

В самом деле, вот что писал последний:

«Каждый человек, стремящийся к независимости и свободе Туркестана, должен бороться за хлеб, выращиваемый в самом Туркестане».

«Эй, дети Туркестана, любящие свой народ и его свободу. Подумайте об этом, расшевеливайтесь, боритесь с хлопком при помощи пшеницы!»

А вот что писали среднеазиатские троцкисты:

«При отсутствии серьезной и достаточной работы по индустриализации УзССР, при отсутствии достаточной помощи трудовым массам дехканства в деле борьбы с туземными эксплуататорскими элементами по ликвидации фактического национального неравенства не может быть достаточной постановки вопроса о хлопке. В таких условиях она может превратиться в закрепление УзССР как сырьевой базы, с чем ленинская партия обязана вести борьбу».

Это предисловие понадобилось авторам «платформы» Анишеву, Тумайлову, Семенову и др. для прикрытия выдвинутого ими обвинения нашей партии в том, что она проводит колонизаторскую политику в республиках Средней Азии.

Тут они еще и еще раз фальсифицируют марксизм-ленинизм, сознательно искажая, путаясь между признаками экономического разделения труда и признаками колониального угнетения.

Экономическое разделение труда у нас (Баку—нефть, Архангельск—лес, Донбасс—уголь, Средняя Азия—хлопок, шелк) ничего общего не имеет с «экономическим разделением труда» между метрополией и колонией.

Вот как в свое время на этот вопрос отвечал т. Зеленский, разбивая клеветнические утверждения некоторых уклонистов в роде:

«Мы сырьевая база, а если это так, то, значит, колониальный характер отношений между промышленными районами союза и остальными районами сохраняется; значит, вся наша политика в национальном вопросе есть политика навыворот, есть пустая болтовня и фразеология».

«Так ли это?»—задает вопрос т. Зеленский. «На этот вопрос надо дать точный ответ. Чем характеризуются колониальные отношения между промышленными районами и отсталой деревней. В чем суть их? Суть колониальных отношений заключается не в том, что при общественном разделении труда в хозяйственной системе тот или иной район выполняет определенные хозяйственные функции. Суть заключается в том, что государство эксплуатирующее устанавливает такую систему отношений, что колониальный район держится на уровне нищеты, на уровне разорения, на уровне мелкого полунатурального крестьянского хозяйства. Суть заключается в том, что метрополия хищнически эксплуатирует, а не подымает хозяйство колонии. Колониальные отношения мы имеем тогда, когда сырьевая база покоится на отсталости хозяйства и когда эта отсталость не ликвидируется, когда с этой отсталостью не борются. Колониальные отношения сохраняются тогда, когда сохраняется, благодаря определенной системе хозяйственных отношений деревни, тот деревенский идиотизм, который не дает культурного роста и прогресса.

А наша постановка вопроса отношений внутри СССР и разрешение его заключаются в том, что мы стараемся превратить мелкокрестьянское хозяйство, индивидуальное хозяйство, обеспечивающее основной массе деревенской бедноты и середняку лишь низкий уровень культурных материальных условий, в сельскохозяйственную промышленность путем развития его товарности, путем преобразования мелкого хозяйства в крупное такого подъема производительных сил на основе этого, который

обеспечивает выход огромных масс населения из нищеты, отсталости, бескультуры.

Вот наша система отношений. Вот почему говорить о том, что у нас, в наших советских условиях сохраняются колониальные отношения совершенно неправильно, ошибочно, и против этой неправильности, против этой ошибочности надо мобилизовать и организовать партийное мнение».

Такова попытка прикрыть «левыми» фразами правое существо их колонизаторской и националистической программ.

Против борьбы за хлопковую независимость и с обвинениями нашей партии и диктатуры пролетариата в колонизаторстве выступал дошедший до логического конца (растеряв по дороге свою группу) идеолог «18-ти» Хадыр-Алиев.

С обвинением нашей партии и диктатуры пролетариата в колонизаторстве выступали в вышецитированном документе и представители троцкистского оппозиционного блока в Средней Азии: Тумайлов, Анишев, Семенов и др.

И после этой фактической смычки с кулацкой идеологией «18-ти», после этой смычки с буржуазно-контрреволюционными националистами типа Чокаевых,—эта кучка запутавшихся в трех соснах «ортодоксов» имела наглость обвинять нашу партию в примиренчестве к кулаку, в смычке с «18-тью», в колонизаторстве!!

Но, дорогой читатель, предположим, что вы еще не уверены в правильности нами сделанных обобщений, предположим, что вы хотите получить дополнительные доказательства.

Один из главных идеологов уклона к местному национализму—иногамовщины—т. Усман-хан Ишан-Ходжаев в свое время (оставляем не выправленным стиль автора) писал: «Туркестан освободился только после великого социального изменения (очевидно—революции—Л. Г.), но это освобождение формальное: в полном смысле освобождения мы не видим сейчас и впредь не можем» (везде разрядка наша—Л. Г.). Именно идеолог иногамовцев Ишан-Ходжаев выдвинул против нашей партии обвинение в «красном колонизаторстве».

Мы видели, как партия расценивала иногамовщину (см., например, резолюцию ЦК ВКП(б) по докладу ЦК ВКП(б) Уз. от 25/V 1929 г.)¹.

Иногамовщина была уклоном к местному национализму. Какое значение имело все это для людей, которые боролись не за интересы пролетарской революции, а за голоса, которые они хотели использовать

¹ «Справочник партработника», вып. 7-й, стр. 157.

против нашей партии. В самом деле, разве не об этом свидетельствует следующий абзац их «платформы».

«Раздувание «иногамовщины» явилось не чем иным, как отводом в сторону внимания партии».

Иногамовцы пошли против основ марксизма-ленинизма, против диктатуры пролетариата, требуя ее замены диктатурой интеллигенции националистической, буржуазной и мелкобуржуазной, требуя поворота с социалистического на капиталистический, буржуазный путь развития, что означает по существу—на путь повторной империалистической колонизации народов Средней Азии, ибо «в современной международной обстановке кроме союза советских республик нет спасения зависимым и слабым нациям» (Ленин, т. XIX, стр. 221). И борьбу партии против иногамовщины троцкисты смели называть отвлечением в сторону внимания партии. Это ли не саморазоблачение одновременно и колонизаторской, и националистической сущности демагогической «платформы» «Тумаилова, Анишева, Семенова и др., пытавшихся отвлечь в сторону от борьбы за генеральную линию партии всю партию и ее среднеазиатские организации.

В опубликованном в газетах письме сам тов. Иногамов разоблачает «иногамовщину».

А в 1927 г. среднеазиатские троцкисты выступали в защиту иногамовщины. Что же получалось? 1. На словах они против иногамовщины, а на деле на позициях Иногамова. 2. На словах они против колонизаторов, а на деле—самые доподлинные великорусские шовинисты. 3. На словах они против «18-ти», но на деле защищали линию «18-ти».

Очень характерно, что «левая» платформа троцкистского блока и его представителей в Средней Азии ни слова не говорила о коллективизации и колхозах. Эти «р-р-революционеры», самые «левые», забыли в пылу демагогической борьбы... про такие «мелочи», как коллективизация сельского хозяйства.

Все это подтверждает, что программа троцкистского оппозиционного блока в национальном вопросе (как, впрочем, и вся «платформа») насквозь фальшива и, несмотря на всю кажущуюся ее левизну, по существу великодержавно-шовинистическая, колонизаторская «платформа», поскольку, мы повторяем, ее осуществление (в частности с «поправками» союзников «18-ти», иногамовцев и грузинских уклонистов) неизбежно было направлено против диктатуры пролетариата

и привело бы Среднюю Азию, Закавказье и т. д. к повторной их колонизации империализмом.

Великодержавный шовинизм, искажение учения Маркса-Ленина-Сталина о роли диктатуры пролетариата в разрешении национального вопроса, эклектизм, беспринципность, мелкобуржуазное соглашательство—все это мы находим в разобранных нами документах.

Разве не эти признаки чаще всего назывались Лениным и решениями нашей партии—как характернейшие признаки ревизионизма, как характернейшие признаки меньшевизма.

* * *

Наше изложение о контрреволюционном троцкизме на среднеазиатской почве было бы не полно, если бы мы не рассмотрели отдельно некоторых документов, несомненно написанных по поручению среднеазиатской троцкистской группы. Мы подразумеваем статью Анишева «На внутрипартийные темы», в которой он полемизировал с опубликованным в № 2 журнала «За партию» за 1927 год «Первоначальным наброском предложений тов. Зеленского по вопросам партийного строительства в республиках Средней Азии».

«Теорию» Тумайлова мы выше разобрали, Анишев, ее защищая, продолжал старую тактику «блока» и в национальном вопросе, тактику беспринципной поддержки всяких националистических элементов в организации для завоевания этим способом голосов.

Перейдем поэтому прямо к разбору тогдашней точки зрения Зиновьева. Вот что он говорил в то время по поводу партстроительства на национальных окраинах:

«Мы как марксисты должны вместе с тем понимать, что этим организациям неоткуда взяться в ближайшее время и что в ближайшее время ни крепкими, ни особо многочисленными они не могут быть. Я не говорю об исключении. Конечно, у нас там и сям есть промышленные оазисы, но я говорю о целом ряде областей и республик, которые по территории справедливо стоят рядом с Францией и где есть 100—200 членов партии, а через пять лет может быть 300—500, да из них немного коммунистов, половина не коммунистов, а в лучшем случае являются сочувствующими нам».

Анишев в своей названной выше статье квалифицирует это выступление Зиновьева как простое указание на трудности, а на самом деле тут дело не в простой сигнализации трудностей партстроительства на национальных окраинах СССР.

Тут дело в полном отрицании возможности иметь крепкие коммунистические организации в среднеазиатских и т. д. условиях. Тот, кто последние годы наблюдал развитие парторганизаций Средней Азии, может сказать, оправдались или нет мрачные прогнозы одного из бывших лидеров троцкистского оппозиционного блока.

А ведь эти годы были годами бешеной борьбы за коллективизацию, за ликвидацию кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, за хлопок, за индустриализацию республик Средней Азии, за большевизацию среднеазиатских парторганизаций в борьбе в первую очередь с великодержавным шовинизмом как главной опасностью, а также с местным национализмом, с остатком отпрысков «левого» троцкизма и с наиболее опасным на данном этапе правым уклоном как в его общесоюзном, так и в местных изданиях.

Разве не говорит это все о том, что прогнозы контрреволюционного троцкизма оказались гнилыми, несостоятельными прогнозами. Разве не говорит все это о том, что «теоретики», формулировавшие и защищавшие эти «прогнозы», оказались подмоченными меньшевистской утерей революционных перспектив.

«Теоретический», с позволения сказать, «уровень» этих изысканий Анишева также весьма невысок. Цель их состояла в том, чтобы набросить тень на генеральную линию нашей партии, на важнейшие ее мероприятия, направленные к социалистической реконструкции Средней Азии.

У Семенова, бывшего председателя Ташкентского новгородского совета, однако проглядывает ряд тенденций, не так ярко выявившихся у остальных; он пишет: «Деление» на «стариков» и молодых создает ненормальные взаимоотношения между членами партийной организации».

Мы тут имеем не что иное, как среднеазиатское издание теории о «барометре», вреднейшее троцкистское противопоставление «молодых» и «старых» кадров нашей партии. Ревизионизм под маской ортодоксии—вот что мы имели во всех этих троцкистских документах. И все, кто под этими фальшивыми лозунгами пошли до логического конца, неизбежно скатились в лагерь контрреволюции; ясно, почему наша партия с полным правом называет троцкизм контрреволюционным троцкизмом, передовым отрядом контрреволюционной буржуазии.

Ясно, почему наша ленинская большевистская партия под руководством ЦК, во главе с тов. Сталиным—лучшим из лучших учеников Ленина—борется и будет ожесточенно бороться как против—главной на данном этапе опасности—правого уклона, так и против гнилых попыток поднять

против партии ржавое оружие, осколки разбитого вдребезги контрреволюционного троцкизма.

Среднеазиатский отряд нашей партии под руководством ЦК ВКП(б), его Среднеазиатского Бюро и ЦК нацкомпартий, разоблачил и нанес сокрушительный удар также и местным издателям контрреволюционных троцкистских лозунгов в национальном вопросе. Рассматривая сейчас материалы среднеазиатских троцкистов, как никогда остро еще раз представляешь себе всю гибельность пути, предлагавшегося ими, и еще крепче убеждаешься в единственной правильной ленинской генеральной линии нашей партии и ее ЦК. Решительная борьба за генеральную линию партии на два фронта, против правого оппортунизма—главной опасности на данном этапе, против «левого» оппортунизма,—необходимое условие успешности нашего социалистического строительства.

Л. Готфрид.